

судеб этого народа, так и в силу того, что основная масса восточного еврейства проживает на чрезвычайно существенном стратегическом и культурно-историческом рубеже — на границе Евразии и Европы.

Евразийцы твердо уверены, что круг сознания евразийских народов не может быть ограничен положениями марксизма и ленинизма, к которым хочет свести в настоящее время интеллектуальную работу этих народов коммунистическая партия. В самом марксизме заключаются основания для выхода за пределы марксизма. На это указывают статьи В. Н. Ильина («Под знаком диалектики») и П. В. Логовикова («Власть организационной идеи»). Более того: евразийцы предвидят, что марксизм перейдет на почве Евразии в свою противоположность, материализм сменится утверждением решающей роли организационной идеи. В этом — одна из сторон того «эйдократического преобразования науки», о котором говорит В. Н. Ильин.

Евразийцы противоборствуют марксизму-ленинизму. Но с тем большим рвением они желают изучить эти явления, оказавшие и оказывающие столь большое влияние в жизни Евразии. Евразийство в полной мере отдает себе отчет в том, что создание самостоятельного евразийского марксизма, и ленинизмоведенья является одной из необходимых предпосылок для преодоления марксизма. В этой связи, можно определить, как большую задачу евразийской науки, написание проводящей евразийские точки зрения истории русского революционного движения, а также, в частности, евразийской биографии Ленина. Первый шаг в этом направлении составляют помещаемые в этом сборнике «Заметки о Ленине» Г. В. Вернадского, рассматривающие учение Ленина об империализме — одно из тех, где с наибольшей силой выразился острый взгляд Ленина и присущее ему чутье реальности.

Так складываются в определенную систему отдельные, посвященные различным вопросам статьи этого сборника. Мы сказали уже, что не политическое, а духовное боре-ние, не публицистический задор, а научная истина является его основным стержнем. Книга эта, по мысли евразийцев,

должна быть знаком, что они неустанно ищут и идут вперед по путям познания России; что в искании этом они охватывают всё новые и новые отрасли, непрестанно расширяют свои духовные горизонты (намеченный в сборнике диалектический переход от своеобразно-евразийского, на основе его, — к универсально-вселенскому). Но раскрытие проблем было бы неполным, если бы в книге этой не была поставлена во весь рост проблема личности. Вся идеологическая система евразийства может быть выведена из идеи личности: идея Личного Бога, идея России-Евразии, как «симфонической личности», идея личности, как творца жизни. Вне идеи личности не осуществимо и религиозное преображение жизни, к которому стремится евразийство.

В предлежащем сборнике к проблеме личности восходят статьи: «Время, культура и тело» В. Чухнина и «К учению о объективном праве» Н. Н. Алексеева. — Евразийцы не только не отвергают объективной (предметной) культуры, но с величайшей силой утверждают ее значение и заняты ее организацией. Но они отрицают засилие объективной культуры над личностью. Они обращаются к основному, не связанному с вещной культурой творческим истокам личности. В этом обращении — внятный для евразийцев смысл статьи В. Чухнина.

Н. Н. Алексеев к тому же вопросу подходит с другой стороны. Он протестует против теории права, игнорирующей в праве личность, не прощупывающей той его стороны, которая утверждает личность, вооружая ее «правомочием». Право есть совокупность правомочий — таков основной тезис Н. Н. Алексеева. — Тезис этот — чисто теоретический. Но он имеет и огромное практическое значение. С особым ударением его нужно выдвинуть именно теперь, когда личность в СССР лишена всяких «правомочий».

Евразийская борьба есть борьба за личность; но не за самостную уединенную личность индивидуалистов, а за личность, соучаствующую в общем деле. Жизненный символ общего дела есть строительство, его церковный символ — соборность.

И личность есть та идея, которая сопрягает во едино от-

дельные статьи сборника. Россиеведческие его статьи посвящены изучению различных сторон в бытии «симфонической личности» России-Евразии. Другие его статьи показывают, как идея личности прокладывает себе путь и сквозь отрицающую ее систему марксизма. Наконец, только что названная группа их утверждает личность в философии и праве.

Но как идею «правомочия» сочетать с идеей общего дела? Разрешению этой проблемы, в чисто юридических терминах, и посвящена, в значительной степени, статья Н. А. Дунаева о видах правомочия. Выход из кажущегося противоречия — в установлении понятия «служебного» права. Здесь личность действует не в собственном интересе, но в интересе других лиц; используя такое право, она приобщается к «общему делу». Современность есть эпоха расширения области «служебных» прав. Прослеживая, как порядок «служебного права» получает всё более и более существенное применение в экономической жизни, Н. А. Дунаев, в своей статье, бросает, тем самым, канаты к политико-экономической программе евразийства, подробное развитие которой выходит, однако, за пределы этого сборника.

Сборником этим евразийство вступает во второе десятилетие своей жизни. Мы не говорим здесь о теоретических задачах, которые ставило и ставит себе евразийство. В чисто идеологической области оно может с удовлетворением оглянуться на прошлое.

Но даже малейшая доля самодовольства была бы губительной. Власть будущего — вот та власть, которой должно быть покорно евразийство, входя в тридцатые годы.

В БОРЬБЕ ЗА ЕВРАЗИЙСТВО

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЕВРАЗИЙСТВА В 1920-ЫХ ГОДАХ

I.

1920-ые годы кончились. Тридцатые годы ставят перед евразийством новые и настоятельные задачи. Обращаясь к их разрешению, полезно не забывать и прошлого. Настоящий очерк анализирует это прошлое, в одной из его сторон. Во все минувшие годы евразийцы воздерживались от полемики. Этого правила они придерживаются и ныне. Все последующее написано отнюдь не для полемики. Но для того, чтобы на фоне прошлого и на основе его вывести у р о к и н а б у д у щ е е. К тому же, в настоящее время, в идеологической области, ясно многое такое, что было менее ясно в прошлые годы.

Библиографическая сторона этого очерка, ни в одном из отделов, не претендует на исчерпывающий характер. В частности, оставлены в стороне (за несколькими исключениями) отклики на евразийство, появившиеся в Советской России.

Первый евразийский сборник вышел в свет в начале августа 1921 г. Первые статьи о евразийстве были напечатаны в начале сентября того же года. Авторы статей не во всем соглашались с евразийцами. И все-таки, их рецензии имели скорее характер приветствий, чем критики. *И. Н.* писал в софийском издании «Зарницы»¹⁾: «общий дух сборника, подкупающее воодушевление авторов, объединившая их идея — безусловно симпатичны... книга расшевеливает читателя... и предостерегает общественную мысль, склонную не столько ориентироваться на новых, сколько окапываться на старых позициях, от явно угрожающего

1) No 21, 4 сентября 1921 г.

ей окаменения и измельчания». В том же духе высказывался *В. Татаринов* — в рецензии, помещенной в берлинской газете «Руль»²⁾: «во всей книге чувствуется биение живой, пробуждающейся национальной мысли, которая теперь загорается повсюду — и в придавленной, рабской России, и в чуждой, холодной Европе... Что касается до общего значения идей и лозунгов, проповедуемых «евразийцами», то оно, конечно, несомненно и велико»³⁾. Еще более показательна статья *И. Гессена* «Знамения», появившаяся на несколько дней позже в той же газете⁴⁾. В ней автор рассматривает вышедшую в свет незадолго перед тем «Переписку из двух углов» *В. Иванова* и *М. Гершензона*: «Я предвижу, что отмеченная выше исключительность условий, в которых приведенные проникновенные строки написаны, может послужить доводом в пользу того, что такое настроение случайно, не показательно. Не стоит об этом спорить, потому что предо мною другое доказательство, не только решающее, но волнующее до глубины души... Я имею в виду отмеченный уже в «Руле» сборник «евразийцев» «Исход к Востоку». Беззаветно верящие в Россию, проникнутые религиозным пафосом, эти выразители молодой русской мысли не только высказывают те же взгляды, но — что действительно до загадочности поразительно — говорят одними и теми же словами... Ни большевистский режим, с одной стороны, ни бездомное скитание на чужбине, с другой, не помешали разъединенным представителям русской интеллигенции слиться мыслью и словом в одном устремлении... дух русской интеллигенции остался свободным, непорабощенным страшным гнетом, разрушившим так много культурных ценностей».

В истории евразийства «идиллия» продолжалась не долго.

Лавры первого, выступившего в печати хулителя евразийства принадлежат *Петру Рыссу*. Впрочем, хула его была голословна. В статье о «Смене вех», говоря о событиях нашего времени, он обронил следующую фразу: «Быть может, потому, что мы живем в этих событиях, что мы участвуем в них, нет оснований надеяться, что в этой сумятице может родиться новое «слово». И потому так печально-претенциозна тоненькая книжка «евразийцев» («Исход к Востоку»), кокетничающих обломками идей 40-ых годов»⁵⁾.

2) «Руль», No 243, 4 сентября 1921 г.

3) Такого же характера рецензию *В. Т.* поместил в No 166 берлинской газеты «Время» от 5 сентября 1921 г. К этому же циклу относится рецензия *В. Воути* в гельсингфорской газете «Новая Русская Жизнь» от 9 октября 1921 г. и т. д.

4) «Руль», No 255, 18 сентября 1921 г.

5) Статья «Без вех», «Последние Новости», No 439, 21 сентября 1921 г.

С конца сентября 1921 г. стал складываться анти-евразийский фронт в эмигрантской печати. — Далеко не все статьи, относящиеся к этому циклу, отвергали евразийство начисто. Наоборот, многие из них подчеркивали согласие с евразийцами в тех или иных пунктах. Но центр тяжести лежал в критике.

К. Мочульский, в противоположность евразийцам, не верил в творческие силы русского народа. Он говорил следующее: «Вместо горького питья правды — снова «вкусный лимонад» беспочвенных самообольщений. Мы знаем, чего не хотел, чего не принимал, чего не усваивал народ — все «не» и ничего положительного. Мы знаем его ненависть к формам жизни (все равно к государственным, общественным, культурным), к укладу, к «организации», ко всякому становлению. Мы знаем глухое недовольство (страшное «безмолвие») народа и открытый мятеж. Мы знаем, что в никаком земном творчестве народ не участвовал, никакой воли, кроме воли к небытию не проявлял. Какое же право имеем мы предписывать ему какую-то новую культуру и гадать об экономическом положении будущей России, в связи с мировым рынком?»⁶).

Вот нигилизм — более полный и более существенный, чем нигилизм коммунистический! И это печаталось в «Общем Деле» В. Бурцева. И с таким мировоззрением надеялись одолеть коммунизм. И полагали, что подобные воззрения могут подвинуть на действие кого бы то ни было, кроме отъявленных и безнадежных слуг ненависти и мести.

К. Мочульскому остались, видимо, чужды сокровища русского фольклора, созданные под непосредственным влиянием народного коллектива (см. хотя бы печатаемую евразийцами статью *И. Савельева*: Своеобычное в русской фольклористике). Для него невяжны те полные глубокого смысла «формы жизни», о которых рассказывает русская этнография. Ему не было известно беспримерное во всемирной истории колонизационное дело русского народа, народное стихийное дело — выражение непреодолимой воли к бытию. А в экономической области — даже то, что было сделано русским народом (и другими народами Евразии) в 1920-ых годах — разве это не оправдывает полностью евразийских «гаданий» 1921 г. об «экономическом положении» России?

На истории русского нигилизма, одним из проявлений которого являлось выступление *К. Мочульского*, нужно учиться трезвому и творческому оптимизму.

Ряд авторов отнесся в особенности критически к религиозно-богословскому устою евразийства. *Марк Слоним* свою статью

6) Статья под заглавием: Будущая культура России, в газете «Общее Дело» (Париж), No 436, 26 сентября 1921 г.

заканчивал следующими словами: «особые пути» культурного и исторического развития России пройдут не там, где их предчувствовали религиозные идеалисты и славянофильские эпигоны»⁷). — *Б. Шлецер* заявлял: «...когда утверждают, как факт, «расцвет богословской мысли», когда говорят, что «православное богословие накопило в своем существе неоценимые дары мудрости и откровения...», тогда мы вправе требовать от автора, чтобы от общего он перешел к конкретному, чтобы указал он нам на частные, отдельные примеры, на события и реальные явления»⁸). Таких указаний в евразийском сборнике *Б. Шлецер* не находил. — *Б. Мирский* (г. Миркин-Гецевич; не смешивать с Д. П. Святополк-Мирским, в иностранной печати подписывающимся: Д. С. Мирский) в статье «Смирненные скифы» с явным неодобрением говорил о евразийцах: «Они зовут не к политическому совершенству, не к заветам современной демократии, а к вере, вещают о грядущей «эпохе веры»⁹).

Свои критические опыты *Б. Мирский* продолжил на страницах «Еврейской Трибуны» (Париж). Здесь он приходил к заключению, что «путь обязательный, единственный и для русского еврейства — не Евразия, а Европа мне приходилось несколько раз намечать некую обобщенную еврейско-демократическую точку зрения в проблеме русского национального сознания; мне приходилось указывать, что в силу целого ряда причин еврейство русское всегда пойдет с Западом, и в общерусской жизни творческое западничество еврейства должно сыграть немаловажную роль»¹⁰). — К настоящему времени (1931 г.) еврейство дождалось опровержения этих положений. Только что приведенному тезису (быть может и не зная его) противопоставил прямо обратную программу единоплеменник *Б. Мирского*, обладающий не меньшим, чем он, публицистическим темпераментом, *Я. А. Бромберг*: «Восточному еврейству пришла пора отказаться от роли равнодушного зрителя по отношению к ходу и исходу великого противоборства восточных и западных начал... И жертвы (имеются в виду события 1917-21 гг, на Украине, в Бессарабии и Галиции. *П. Н. С.*) и зрелище бесславного угасания западного еврейства в мертвой трясине уравнилельно-демократической пошлости должны побудить нас произвести твердый и недвусмысленный выбор, должны обратить наши взоры опять к вечно немеркнущему свету с Востока, ныне воссиявшему с костра самозаклания России... В данном

7) Газета «Воля России» (Прага), No 318, 29 сентября 1921 г.

8) Статья «Евразийцы», «Последние Новости», No 474, 1 ноября 1921 г.

9) Газета «Голос России» (Берлин), No 796, 23 октября 1921 г.

10) Статья «Европа и Евразия», «Еврейская Трибуна», No 98, 10 ноября 1921 г.

конкретном случае можно уповать, что в евразийской концепции впервые получит органическое осмысление роковое, исполненное мистической и онтологической значительности сплетение судеб народа, пронесшего через века живое ощущение мессианского избранничества, с великой страной, в наши дни возложившей на себя, перед лицом духовно скудеющего и погибающего человечества, тяжкое бремя вселенского призвания, в основных своих устремлениях выходящего за пределы чисто мирских планов и перспектив в область иного, чаемого царства»¹¹).

Выставим же четкое евразийское утверждение: «Европа» не есть «единственный» путь для русского еврейства. И западничество не есть единственная для него возможность. Возможно и необходимо появление и развитие еврейского восточничества. С восточничеством этим евразийство должно быть в сотрудничестве и союзе.

На нечто подобное указывала уже статья *С. Полякова-Литовцева* в одном из номеров «Еврейской Трибуны»¹²). Полемизируя с *Б. Мирским*, автор спрашивал: «...если Европа и еврейство, действительно, как бы прикованы к тачке рационализма почему России не искать особых от Европы путей во имя простой свободы духа, во имя великого права «самоопределения» и выбора?... Беда не в том, что евразийцы «взыскуют града нездешнего» — это явление положительное. Без него «град здешний» очень уж плосок и скучен. А в том, что, уносясь мечтою в «высшие планы», эти люди имеют склонность квиетически мириться с неправдами, уродствами и мерзостью нашей «юдоли» Мы (т. е. евреи)... в крайности не впадаем. Мы твердо помним о земле даже тогда, когда стремимся к небу. Мы твердо верим, что правда в сочетании двух градов, здешнего и нездешнего, и мечтаем о чудесной лестнице между землей и небом». *С. Поляков-Литовцев* возводил на евразийцев напраслину, говоря об их «квиетическом примирении» с неправдами, уродствами и мерзостью. Но указание это в его статье производило впечатление формального отвода, рассчитанного на то, чтобы не разойтись начисто с сотрудником по журналу (*Б. Мирским*). Положительные же его утверждения вполне согласуемы, в данном случае, с принципами «еврейского восточничества»; и суть просто евразийские положения¹³).

11) Евразийский Сборник, кн. VI, 1929, стр. 46.

12) № 103, 15 декабря 1921 г.

13) По тону несколько похожа на выступление *С. Полякова-Литовцева* статья *Л. Неманова*: Новый мессианизм (газ. Время, № 819, ноябрь 1921 г.). В ней говорится: «Надо действительно понимать, что Россия не совсем Европа и не совсем Азия, что у России имеются свои особенности». Тут же утверждается: «формы политической жизни, выработанные мировой политической мыслью и миро-

Сказанное в достаточной степени характеризует те основания, на которых покоилась полемика с евразийством в эмигрантской печати в конце 1921-го года. Это были: отрицание религиозной сущности и религиозного призвания России; неверие в творческие силы «народа». Возражения эти имеют для евразийцев не только исторический интерес. И сейчас они не лишены актуальности.

Тридцатые годы начались в России в обстановке некоторых материальных достижений, и еще больших страданий, и небывалых по настойчивости попыток угашения духа. В этих условиях евразийство должно с новою силой и в новых формах утверждать и утвердить непреходящесть религиозного начала и подлинность религиозного призвания России. В начале 1930-ых годов — так же, как это было в начале 20-ых, оно должно поднимать горение веры и вселять убеждение в неистощимости творческих сил евразийских народов. Угашатели духа не властны над духом.

* *

Первая статья о евразийстве не на русском языке появилась, насколько нам известно, в болгарском журнале «Везни» 22 октября 1921 г. Она заканчивалась следующими словами: «Хаос... родит звезду. И ее сияние еще поведет быть может весь мир к новым пределам, к новому Вифлеему, где рождается Дух. Россия несет новое Евангелие миру»¹⁴⁾. Первенство в данном случае болгарской печати объяснялось, конечно, тем обстоятельством, что «Исход к Востоку» был издан в Софии¹⁵⁾. Вообще же, по части евразийствоведения, славянская печать оказалась, вначале, впереди романогерманской. В январе-феврале 1922 г. наиболее серьезные (из иноязычных) статьи о евразийстве были опубликованы в чешской печати.

вым политическим опытом, могут быть общими для всех... Русской интеллигенции придется отказаться б. м. от многих романогерманских представлений, но не от идей материальной и политической культуры». — Если под «материальной» культурой подразумевать технику, то относительно нее это положение бесспорно. В области же социального и политического строя евразийцы отстаивают необходимость *своих путей*.

14) Статья «Утверждение евразийцев» за подписью Т., «Везни», год III, No 2.

15) Другая болгарская статья о евразийстве принадлежит проф. Ст. Младенову (Национализм, культура и човешина, журнал Съвременник, 1922, январь-февраль, стр. 290-299). Большая ее часть посвящена изложению статьи Н. С. Трубецкого «Об истинном и ложном национализме», применительно к условиям жизни балканских народов.